

| о такой, как ты |

| Читайте диалоги Татьяны Веденской: |

| Диалогия *«Мой служебный роман»*

Пряник, или Мой шикарный босс
Идеалист, или Мечтать о такой, как ты

| Диалогия *«Что не делается – к лучшему!»*

Соседки, или Не в парнях счастье
Мачо, или Не ходите, девки, замуж!

| Диалогия *«Лучшие подруги»*

Загадай желание
Впервые в жизни, или Стереотипы взрослой женщины

| Диалогия *«Мой любимый экстрасенс»*

Обыкновенный волшебник
Фокус-покус, или Волшебников не бывает

| Диалогия *«Первая любовь»*

Такая глупая любовь
Все дело в платье

ТАТЬЯНА ВЕДЕНСКАЯ

Мой любимый
экстрасенс
диалогия

Москва

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В26

Оформление серии *Светланы Прохоровой*

Издание осуществлено при содействии литературного агента
Н.Я. Заблочкиса

Веденская, Татьяна.
В26 Мой любимый экстрасенс : дилогия / Татьяна Веденская. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 544 с. — (О такой, как ты).

ISBN 978-5-699-99772-5

Обыкновенный волшебник

Отчаявшись найти ответ на вопрос «почему мне так не везет?», многие из нас предполагают: «Это сглаз!» Так и Василиса, испытав первые разочарования взрослой жизни, решает, что пора почистить ауру. По совету своей тетки она обращается за помощью в центр к целителю Страхову. Красивый, уверенный, образованный, он словно обладает необъяснимой властью над сознанием Василисы. Девушка не может выскользнуть из-под его чар.

Фокус-покус, или Волшебников не бывает

«...И жили они долго и счастливо...» Так обычно заканчиваются любовные истории о королевичах и простых девушках. Но в реальной жизни у каждого сказочного зачина есть свое отнюдь не сказочное продолжение. Василиса Ветрякова и мечтать не могла о принце, пока однажды красивый, уверенный в себе целитель Страхов не ворвался в ее мир. Околдованная его чарами, она теряет бдительность. В ее сказочный сценарий не входят измены и ложь. Но кто сказал Василисе, что она станет принцессой, а Ярослав Страхов — настоящим волшебником?!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99772-5

© Саенко Т., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Обыкновенный волшебник

роман

*Особая благодарность
Анастасии и Игорю Саенко
за помощь в подготовке книги.*

В реальном мире достаточно
поводов для благоговейного
изумления.

Карл Эдвард Саган

Синдром истинно верующе-
го заслуживает научного иссле-
дования.

М. Ламар Кин

*Все совпадения в книге случайны.
Все персонажи, процессы, организации
и события, упомянутые в ней, —
плод воображения автора.*

Глава 1

*Н*адежда умирает последней. Моя корчилась долго — почти четыре дня. Агония случилась в пятницу после обеда, и кто бы спорил, что быть не может худшего момента для разговора с начальником. К тому же за окном моросил дождик, усыпляя всех и вся вокруг и добавляя миру в целом какой-то беспросветности. Еще вчера над Москвой светило солнце. Не ахти какое, конечно, — от нашего столичного солнца многого-то не ждешь, но все-таки лето. Случаются чудеса. Небо, птички, четверг — вчера был как раз «тот самый» момент, чтобы решать вопросы. И этот момент был безвозвратно упущен.

Мой начальник, Игорь Борисович, был занят во вторник, встречался с учеными из какой-то академии, в среду он тоже, соответственно, не смог меня принять — у него болела голова после встречи с учеными, и его секретарша настоятельно не рекомендовала его тревожить. Ничего хорошего с такой головой он все равно не надумает. И я с этим согласилась.

В четверг я просидела в приемной четыре с половиной часа, благо у нас в редакции скоростной Интернет — всегда можно с пользой провести время. Ожидание не привело ни к чему. Игорь Борисович просто не появился — и не отзвонился тоже. А чего такого, перед кем начальству отчитываться?

Признаться, я разозлилась. Шла домой, в общагу, и пинала пустую банку из-под пива. Какого черта? Что он о себе возомнил? Или он считает, что мне некуда пристроить четыре с половиной часа? По правде сказать, впервые за пять лет я действительно не совсем хорошо понимала, чем

10 Татьяна Введенская

мне заняться. Или, скорее, что мне делать дальше. Со своей взрослой жизнью, я имею в виду.

Взрослой я себя не чувствовала, скорее — потеряшкой. К тому же вся неделя выдалась такой, словно мне черная кошка дорогу перебежала или просыпалась соль. Но я вообще-то соль почти не ем. Что касается кошек, то да, у нас в общаге их много. Плодятся и размножаются в подвалах, к нашей радости, к ненависти коменданта. С кошками я дружу — даже с черными. Я против расизма, особенно кошачьего.

В пятницу утром я позвонила Игорю Борисовичу еще раз, чтобы уточнить, стоит ли мне сегодня приезжать в офис. Игорь Борисович ответил положительно и удивленно спросил, почему я не подошла к нему раньше. Зачем, мол, я отложила разговор на пятницу?! Мое изумление было сравнимо только с бешенством. Если бы не удивление, уж я бы ему ответила. Но оно буквально лишило меня дара речи. Бешенство я, в надежде на лучшее, постаралась в себе подавить.

— Во сколько мне лучше подъехать? — вкрадчиво спросила я, втайне жалея, что не включила диктофон, чтобы записать наш разговор. А то ведь потом и от этого открестится.

— Давай до обеда, а то я хотел пораньше... В смысле, в одно место заехать, по работе, — поправился Игорь Борисович, считающий своей священной обязанностью поддерживать в нас всех уверенность в его тотальной занятости не чем-то там таким, а исключительно делами. Работает — и нам велит.

Работать, работать и еще раз работать, а также «учиться, учиться и еще раз учиться» — как завещал великий Ленин. Впрочем, говорил он это или нет — большой вопрос. Исторические источники сомнительные. Большая часть того, что мы знаем о Ленине, поведали нам уже после его смерти. Преимущественно госпожа Крупская. Что ж, примем на веру и добавим, что я уже давно готова работать. Мечтаю работать! Четвертый день сижу в приемной Игоря Борисовича в на-

дежде на то, что смогу реализовать наконец свое право на труд, причем именно там, где мне хочется, и на условиях штатного корреспондента.

Признаться честно, я задолбалась учиться. Ничего личного — просто... пяти лет вполне достаточно, не так ли? Напряжение последнего семестра изверглось в виде моих злости и несправедливого раздражения на всех и вся, а потом на меня обрушился поток госов¹, и, как следствие, нам были выданы дипломы, о которых столько говорили. Диплом постоял на подоконнике, был должным образом обмыт — тем более мой, красный.

А потом все вдруг затихло. Столько шума из ничего — бумажка и бумажка. Сейчас этот документ лежал у меня в деловом портфеле — большом, рыжем, почти кожаном. Записано, что человек вызывает уважение, если у него в руках объемистый чемодан, набитый бумагами. Что ж, я хожу на важные встречи с моим рыжим чудовищем. Туда хорошо помещается мой маленький портативный ноутбук. Чемодан оттягивает мне плечо, но придает уверенности в себе. Даже сейчас я невольно хватаюсь за его упругие бока. При моем маленьком росте это важно.

— Васют, может, лучше в понедельник? — зевнула Леночка, секретарша Игоря Борисовича. Я жалобно всхлипнула. Очень уж нужна была эта работа. Игорь Борисович держал меня на внештатных позициях уже год — затыкал мною всевозможные дыры, посылал на Кудыкину гору (в Липецкую область, например), чтобы проверила там факт незаконного вывоза навоза из совхоза, ввоз комбикормов.

— Я его дождусь.

— Он говорил, что уедет рано.

— А он точно знает, что я здесь? — в сотый раз уточнила я. Леночка обреченно кивнула. Все он знал и даже видел меня, когда выходил в туалет. Даже кивнул мне так, словно

¹ Г о с ы — государственные экзамены, сдаваемые при выпуске из института.

12 Татьяна Введенская

вот-вот уже освободится и примет меня. Что, мол, так занят, так занят — не передать словами.

— Он тебя обязательно возьмет в штат, — заверила меня секретарша, вставая со своего места. Добрая, но не слишком трудолюбивая, из-за чего до нашего офиса за частую ни черта не дозвонишься. Теряет записки и телефонные номера, которые записала на квадратиках из желтой бумаги. Нравится Игорю Борисовичу. А я — не очень. Во всяком случае, мне так кажется. Наверное, он меня не одобряет, а я отвечаю ему взаимностью. Но именно Игорь Борисович должен решать, попаду ли я в штат газеты, которую очень даже одобряю.

— Думаешь? — кивнула я, глядя с тоской на часы — половина пятого. У начальника просто не останется времени на то, чтобы принять меня в штат.

— Ну, он же обещал, — пожала плечами Леночка и ушла пить чай. Поразительно, сколько в некоторых людей влезает чаю за один рабочий день. Мы все сдаем деньги на чайкофе, невзирая на то, кто в штате, а кто ходит без зарплаты и перебивается обедами с барского стола. Телефон на столе секретарши зазвонил, но на нее это не произвело никакого впечатления. Она ушла и не вернулась. Старомодный звон стоял в ушах, и я уже потянулась, чтобы ответить на звонок, когда дверь Игоря Борисовича открылась, и оттуда выглянул он сам — царь и бог собственной персоной со сморщившимся от неудовольствия лицом.

— Что это такое? Где Лена? — фыркнул он, глядя мне прямо в глаза. Только после этого до Игоря Борисовича дошло, что я, собственно, никакого отношения к ней не имею и отвечать не обязана. Он на секунду застыл, словно вспоминая на ходу, кто я такая, чего хочу и откуда тут взялась. Несколько секунд спустя шеф «родил» свою мысль, и мысль была подана мне в виде вопроса.

— А ты чего тут? Я же тебя до обеда ждал! — и дальше все. Аплодисменты, занавес, изумленные лица ошарашенной публики.

— Но я тут с двенадцати сижу! — против моей воли в голос прорвалось раздражение. Эмоции — ими не так-то легко управлять.

— Да? — озадаченно пробормотал он, после чего еще с полминуты раздумывал, глядя на меня. Прикидывал, видать, можно ли от меня как-то еще избавиться, и решил, что нет. Проще «убить». В смысле, принять.

И я была приглашена в святая святых. Главный редактор газеты «Новая Первая», а также соответствующего портала в Интернете, махнул рукою, и я впорхнула в его красиво обставленный кабинет. Газета, где я стажировалась, на самом деле не слишком новая, но и не старая, была заделана под шумок еще в девяносто восьмом несколькими небожителями из высших сфер. Им, небожителям, тогда понадобился свой рупор гласности в мутной воде российской демократии. Рупор носил и другие названия, пока не стал вдруг Новым и Первым — более чем сомнительное название.

Небожители со временем стали пользоваться рупором все реже и финансировали, соответственно, тоже как попало. Однако еще в начале нового тысячелетия у руля «Новой Первой» встал Игорь Борисович, который умудрился привести газету к весьма устойчивому финансовому благополучию, умело используя умеренную долю желтизны (иногда и неумеренную) и постоянные скидки на рекламное пространство.

— Ну что, — добродушно начал он, поглядывая на часы. — Наша Василиса теперь дипломированный журналист?

— Вообще-то у меня красный диплом, — гордо ответила я и, не удержавшись, тут же предложила показать его Игорю Борисовичу. Благо рыжее чудовище-чемодан со мной.

— Верю, верю. Ну что ж, поздравляю! — продолжал кивать он.

— Спасибо, — благодарно кивала я в ответ. Повисла пауза. Она продолжалась с минуту и потом упала. Игорь Борисович откашлялся, прочистил, так сказать, горло перед очередной нелепостью.

14 Татьяна Введенская

— И что я могу для тебя сделать, Василиса? — Вопрос, прямо скажем, забавный. Иногда то, что говорит начальник, заставляет подозревать у него какой-то диагноз — к примеру, склероз. Может, если бы он попил что-то для улучшения мозгового кровообращения, какие-нибудь витамины, может, полегчало бы?

— Игорь Борисович, вы говорили, что возьмете меня в штат, когда я успешно окончу институт. Ну вот, я здесь! Диплом — краснее не бывает, — и я глупо улыбнулась. Да, конечно, никогда не следует припоминать начальникам их обещания. Не любят они этого, как кошки не любят воды. Шипят и царапаются. Игорь Борисович покачал головой, по его лицу пробежала легкая тень.

— Обещал? Не помню.

— Но...

— Ладно, ладно! — Игорь Борисович не стал открывать кран с моими воплями, поднял руки и сдался сразу. — Обещал — значит обещал. И ты хочешь работать в «Новой Первой»?

— Я и так уже, считай, работаю почти год. Я написала больше двадцати статей.

— Знаю, знаю, — вздохнул Игорь Борисович. Потом еще помолчал, чтобы дать мне помучиться. Или чтобы подобрать слова. Впрочем, у таких, как он, слова всегда найдутся. — Ты понимаешь, Васюта, тут такое дело... Я буду говорить откровенно, ладно?

— Конечно, — пробормотала я, Впрочем, без лишнего энтузиазма. Тон, которым говорил шеф, ясно давал понять — это не предвещает ничего хорошего.

— У тебя есть достоинства, Василиса. Ты трудолюбива, старательна, но... — вот оно — мое «но», куда же без него. Что же делать, что делать, стучало в моей голове. Или это просто давление поднялось от сидения в кресле столько часов подряд. Надо было сегодня не ходить к нему. Чувствовала же, что все это провалится. Черная полоса у меня. Какая-то порча или сглаз.

Я подумала про глаза, и тут же за этим последовала другая мысль — о том, что хорошо бы заехать Игорю Борисовичу в глаз. Подходящая была бы порча.

— Ты пока что еще не готова. Слишком молода, у тебя нет должного опыта. Люди не воспринимают тебя всерьез. Пока что твой уровень — это внештатный корреспондент.

— Но я... Что я делаю не так, по вашему мнению? — Я говорила тихо, потому что комок в горле мешал. Черт, как не вовремя. Надо учиться управлять эмоциями. А может, разрыдаться? Он же сейчас оставит меня без работы, подлец!

— Что ж, — он снова вздохнул так, как вздыхает любящий отец над непутевым чадом. — Я не думаю, что из тебя выйдет серьезный репортер. Ты не умеешь находить сенсации, не проявляешь инициативу, в основном пишешь о каких-то незначительных событиях.

— Но вы же сами меня на них посылаете, — изумилась я. Нет, не помогут ему болюсы. — На навоз, на пенсионеров.

— Конечно! Конечно, посылаю! — возмутился Игорь Борисович. — Даю тебе возможности проявить себя, но пока не вижу больших результатов. Понимаешь, Василиса, ты сама должна находить источники. У тебя должны быть серьезные связи, если ты хочешь работать в нашей газете. Ты должна быть знакома с политиками, бизнесменами, звездами. Области связями, оказаться на площади как раз тогда, когда там начинается революция. Взять интервью у нового Че Гевары. Но и это не главное.

— Не главное? — уставилась на него я. — А что же тогда главное?

Игорь Борисович посмотрел на меня так, как смотрят на безнадёжного пациента, говорить которому правду жестоко и при этом бесполезно.

— А главное — ты так и не научилась писать.

— Что? — окончательно взбесилась я. — Разве я плохо пишу?

— Неплохо, — скривился Игорь Борисович, — но и не хорошо. Так пишут сотни и тысячи журналистов, понима-